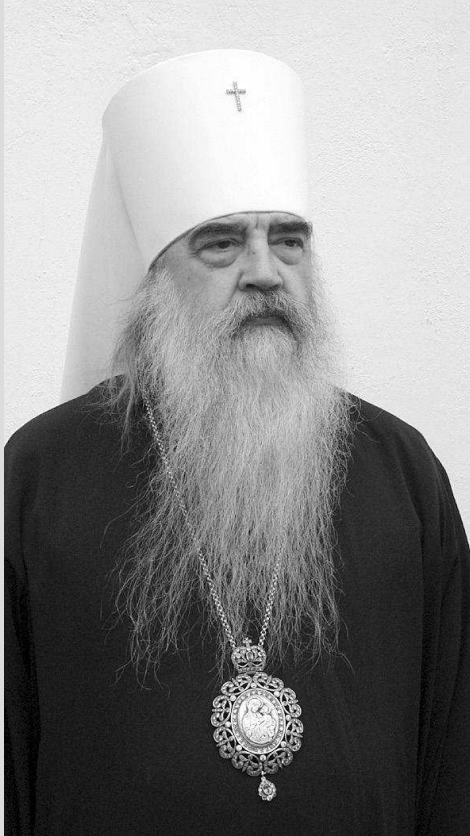


**Высокопреосвященнейший
Митрополит ФИЛАРЕТ
(Вахромеев),
Почетный Патриарший
Экзарх всея Беларуси**



Московская духовная академия, кандидат богословия—1961, доктор honoris causa университетов: Галле (ГДР)—1983, Братиславы—1986, Праги—1986, Пряшева, Белгос-университета—1993, Гродненского госмедуниверситета—2001, Свято-Владимирской академии (Крествуд, Нью-Йорк, США)—2002, Свято-Сергиевского богословского института (Париж)—2003; Варшавской Теологической Христианской академии—2008, профессор—2000, доктор богословия—2003.

Ваше Блаженство,
дорогой Владыка Владимир!

Досточтимые организаторы и участники XIII Международных Успенских чтений «Предание и перевод: по ту сторону отчуждения между христианами»!

Благодарю вас за приглашение принять участие в настоящем форуме. Успенские чтения — это всегда приглашение к размышлению о началах христианского благовестия, об основах человеческого мышления, об истоках нашей радости друг о друге. Возможно, это связано с тем, что место, в котором проходят Чтения — это древняя Киево-Печерская Лавра, место подвигов Нестора Летописца и других святых книжников древней Руси. Допускаю, что и сама сложившаяся с годами атмосфера собрания побуждает к памяти об истоках нашей мысли.

Позвольте мне предложить вашему вниманию некоторые суждения на тему:

Предание как послушание Слову.

В начале всякого разговора, тем более разговора о слове, полагаю, полезно прислушаться к смыслу употребляемых нами выражений. Мы хотим говорить о предании и о переводе. Сейчас эти два понятия стали терминами, выражающими некоторый специальный смысл, точное определение которого входит в научную компетенцию богословия и филологии.

Но мы помним, и мыслители XX века очень чутко это осознали, что термины обязаны своим значением языку в богатстве его не-

ТРУДЫ
№11

Минской духовной академии

* Доклад Митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, на XIII Международных Успенских чтениях «Предание и перевод». Киев, 15 сентября 2013 г.

обозримых смыслов. Каждое вводимое в научный оборот слово имеет изначальный, понятный простому человеку смысл, ограничивая который, мы добиваемся точности, но при этом теряем в глубине. Поэтому бывает полезно на время отвлечься от жестких научных определений и прислушаться к вести, заключенной в слове. Так вот, в словах «предание» и «перевод» мы различаем, что речь идет соответственно о передаче чего-то и о водительство куда-то.

Первые стихи Евангелия от Луки являются своего рода зачалом Предания. *Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен* (Лк. 1: 1-4).

В этом отрывке звучит слово, ставшее затем термином — «парадосис», предание. Очевидцы и служители Слова передают повествование о событиях жизни Христа и Его общины. Лука решает описать Феофилу эти повествования, чтобы тот имел твердое основание в учении.

Мы видим здесь некую смысловую цепочку, лежащую в начале Предания. *Во-первых*, это Слово, Господь Иисус Христос. Он Сам, Воплотившийся Сын Божий, является событием, центральным для всего Предания. Вокруг Него происходят другие события, у которых есть очевидцы и свидетели. Это *второе* звено цепи. Апостол Лука знаком с очевидцами, а также ему известны различные повествования, помимо тех, что у него вызывают безусловное доверие. Поэтому он считает важным передать далее только те повествования, которые пройдут через тщательное исследование. То есть Предание, *в-третьих*, предполагает

критическое отношение к массиву информации, собранной о Господе. И, наконец, *в-четвертых*, Предание значимо тем, что оно — твердое основание учения.

Итак, Предание — это: Господь; очевидцы и свидетели; различные повествования, предполагающие критическую оценку; и, как итог, — твердое основание учения для тех, кому передается Благая весть. Эти четыре элемента, на наш взгляд, образуют у евангелиста Луки своеобразные парные отношения. Апостол хочет, чтобы для Феофила его описание событий жизни Христа, было тем же, чем для него самого является повествование очевидцев, а именно Истиной.

В словах апостола Луки, в том, как он хочет утвердить достопочтенного слушателя в учении, мы слышим заботу об исполнении Божия обетования: *если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин. 8: 31, 32). Апостол Лука, более всех евангелистов говорящий о Духе Святом, как бы призывает в конечном счете слушать главного свидетеля об Истине, Святого Духа. Ибо как говорит другой апостол, Иоанн, *Дух свидетельствует о [Нем] — то есть о Христе, — потому что Дух есть истина* (1 Ин. 5: 6).

Говоря о Духе Святом, мы вплотную подходим к волнующей теме миссии Лиц Пресвятой Троицы в созидании Предания и Церкви в целом. Но эта обширная тема достойна отдельного долгого разговора.

Мы же обратимся к еще одной ключевой фигуре в истории формирования канона, то есть порядка (Лк. 1: 3), чтобы далее поделиться наблюдением о логике благовестия, присущей Преданию. Речь идет о Папии Иерапольском, жившем, как считается, между 70 и 140 годами после Рождества Христова. О нем сохранилось совсем мало достоверных сведений. Но вот как его цитирует в своей «Церковной истории» Евсе-

вий Кесарийский: «Я с удовольствием слушал не многоречивых учителей, а тех, кто преподавал истину, не тех, кто повторяет заповеди других людей, а данные Господом о вере, исходящие от самой Истины» (III: 39, 3). И далее, поминая пресвитеров/старцев, которых он слушал с удовольствием, Папий говорит: «Я понимал, что книги не принесут мне столько пользы, сколько живой, остающийся в душе голос» (III: 39, 4).

Сей муж, Папий, епископ Иераполя во Фригии, воспроизводит, как кажется, тот же подход к формированию Предания, который мы видели у апостола Луки. Налицо те же элементы Предания: Истина, далее пресвитеры, которые ее преподают, критический отсев многоречивых повествований и «живой, остающийся в душе голос» учения.

Глядя на связь этих выявленных элементов Предания, мы замечаем парадоксальную вещь. С одной стороны, Предание распространяется по нисходящей линии: от Истины — через очевидцев — к тем, кто должен быть утвержден в учении. С другой стороны, это распространение есть как бы восхождение необученных людей через критическое рассмотрение многоречивых повествований к свидетельству очевидцев и так, Духом Святым, к Самой Истине — Господу Иисусу Христу. То есть, проповедуя, апостолы не столько излагают новое по своему содержанию учение, сколько возвращают слушателей к Логосу-Слову, как началу самой возможности воспринимать Истину в ее очевидности.

Поэтому понятны становятся начала апостольских посланий, в которых авторы каждый раз говорят о своем рабстве Христу, воплощенному Слову. Понятно, почему апостол Павел хочет *благовествовать, не в премудрости слова, чтобы не упразднить креста Христова* (1 Кор. 1: 17), чтобы не заслонить своим многоречием благовестуемое Слово.

Самоумаление, кенозис проповедника — это необходимое условие для того, чтобы проповедь состоялась. Иначе возникают ситуации, подобные бывшей в Коринфе, когда один говорит: *я Павлов*, а другой: *я Аполлосов*, и возникает вопрос, *а не плотские ли вы* (1 Кор. 3: 4)?

Предположив своеобразную логику Предания, представляется возможным обратиться теперь к другому слову, вынесенному в заглавие конференции, а именно к слову «перевод». Оно замечательно раскрывает то, что мы наметили в качестве логики керигмы. Если пере-вод есть водительство, то, учитывая сказанное о Слове как начале Предания, мы можем допустить, что перевод ведет, возвращает нас к Слову.

Это достаточно абстрактное утверждение становится более понятным, когда мы вспомним, что нередко словом «переводчик» на русский язык переводили греческое «герменевт», что означает по преимуществу «толкователь». То есть перевести означает истолковать, сделать ясным для понимания, очевидным.

Итак, Предание оказывается переводом, истолкованием Слова Божия различным народам.

Обратимся к опыту вхождения славянских народов в единое целое христианского Предания. Для этого отметим некоторые особенности переводческой работы школы равноапостольных Мефодия и Кирилла и посмотрим, как богословы-филологи творили язык.

Среди памятников кирилло-мефодиевской традиции к текстам собственно филологического содержания исследователи относят трактат Храбра Черноризца «О письменнах», трактат из Македонского кириллического листка, Азбучную молитву, пролог к переводу «Богословия» Иоанна Экзарха. Эти произведения «созданы в IX-X веках

в связи с необходимостью обоснования переводческой деятельности древнеславянских книжников либо в связи с дискуссией вокруг обоснования статусности старославянского языка как канонического»¹.

Аргументы в защиту необходимости переводческой деятельности группируются по следующим рубрикам²:

1. Утверждение о сакральном характере и равенстве всех естественных языков. «И не стыдно вам, что вы только три языка признаёте, а прочим всем народам и племенам велите глухими и слепыми быть? ... Мы ведь знаем достаточно много народов, ... Богу славу воздающих каждый на своем языке».

2. Идея о том, что основным условием миссионерской деятельности является наличие у неопитов письменного языка.

3. Аргумент о том, что наличие у народа своего письменного языка позволяет занять место среди «великих народов»: «Бог явил буквы в ваш язык... да и вы будете причтены к великим народам, которые славят Бога своим языком».

4. Концепция «имитации», согласно которой система церковнославянского языка развивалась, имитируя модели греческой языковой системы. Это творческое подражание было вполне естественно, учитывая, что греческий является и оригинальным языком нового Завета, и языком первых богословов. Так в лексическом фонде классических старославянских текстов, насчитывающим 9000 слов, — 1200 грецизмов (не считая многочисленных кблек)³.

Мы видим, что концепция подражания греческому языку воспроизводит представление о том, что, переводя Слово Божие, то есть создавая новый текст и так распространяя Предание, книжные люди возвращают, возводят слушателей и читателей к изначальному Слову.

Все аспекты церковнославянского языка, вплоть до его орфографии и грамматики, работали на актуализацию Благовестия. Так, например, титла использовались для обозначения сакрального смысла слова, которое без титла означало реалии мира обыденного. В одном из орфографических трактатов под рубрикой «Сущность книжного письма» значит следующее: «Исуса Сына Божия и Спаса и Содетеля миру и Господа всему под взметом пиши. Исуса сына Навина, и Исуса Сирахова и иные Исусы складом пиши»⁴.

Еще одно правило, которым Предвечная Истина вводилась в круг повседневного языка и тем освящала его, было правило, согласно которому «в составе именной формулы “Иисус Христос” имя Иисус могло не склоняться, что подчеркивало нераздельность номинативной единицы, выражающей суть христианства»⁵. Мелетий Смотрицкий, в 1619 году издавший «Граматики Словенския правилное Синтагма», писал: «спасительному имени Христос, припряжено иногда бывает несклоняемо, яко: Именительный: Исус Христос; дательный: Исус Христу; Винительный: Исус Христа; Звательный: о Исус Христе; творительный Исус Христом; сказательный: о Исус Христе»⁶.

Эти примеры можно продолжать. Мне особенно приятно отметить то, что о них с большой любовью и глубоким пониманием говорили участники недавно завершившегося в Минске Международного съезда славистов. Для меня это означает, что традиция бережного отношения к языковому наследию святых Мефодия и Кирилла продолжает жить; что Предание, живущее в переводе, в послушании Слову, несмотря на все трудности современной жизни, не прерывается.

В завершение мне бы хотелось с благодарностью помянуть тех людей, которые, уверен, близки всем гостям Успенских чтений. Это имена Дмитрия Сергеевича Лихачева,

Сергея Сергеевича Аверинцева, Владимира Вениаминовича Бибикина.

Все они — образцовые переводчики. Не в смысле безупречности их переводов. Вряд ли идеальный перевод возможен в принципе. Их переводы — это толкование, а их мышление — это перевод в высоком смысле введения в Истину. Про них не скажешь «оригинальный мыслитель». По отношению к тому, чем они занимались, такое выражение было бы скорее осуждением, обвинением в оригинальничании. Они мыслители послушания. Как говорил В. В. Бибикин в исповедальной в общем-то статье «Философия и религия», «сама мысль включает благочестие, иначе теряет связь с Божественным Умом. Поклонение Первому Уму безусловно необходимо. Именно для того, чтобы быть служением чистой мысли и больше ничем, философия остается служением тому, что выше нее»⁷.

Или вот голос С. С. Аверинцева. Это из его «Похвального слова филологии»: «Филология есть «строгая» наука, но не «точная» наука. Ее строгость состоит не в искусственной точности математизированного мыслительного аппарата, но в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности *человеческого* понимания. Одна из главных задач человека на земле — понять другого человека, не превращая его мыслью ни в поддающуюся «исчислению» *вещь*, ни в отражение собственных эмоций. Эта задача стоит перед каждым отдельным человеком, но и перед всей эпохой, перед всем человечеством. Чем выше будет строгость науки филологии, тем вернее сможет она помочь выполнению этой задачи. Филология есть служба понимания»⁸.

При таком подходе к мышлению и языку старая дилемма — дух или литера — оказывается бессмысленной. В действительности нужно употреблять другой союз,

связывающий эти слова. «Дух и литера». Именно так, внимая букве Предания, вслушиваясь в передаваемое из поколения в поколение Слово, мы оказываемся переводимыми в Царство Духа.

Сердечно благодарю организаторов конференции, всех кропотливых тружеников «Духа и литеры». Имею в виду и издательство, и более широкий контекст переводческой деятельности.

Молитвенно желаю, чтобы на участниках киевских Успенских чтений исполнилось пророчество Исаии: *земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море* (Ис. 11: 9).

Благодарю за внимание.

Примечания:

¹ Суркова Е. С. О направлениях метаязыковой рефлексии в Кирилло-Мефодиевской филологической школе IX-X вв. / Е. С. Суркова // Лингвистическая эпистемология: история и современность. XV Международный съезд славистов. (Минск, РБ, 20-27 августа 2013 г.) / Отв. ред. Н. Н. Запольская. — Минск: ПринтЛайн, 2013. — С. 38.

² Рубрикация осуществлена Сурковой Е.С.

³ Толстой Н. И. Роль кирилло-мефодиевской традиции в истории восточно- и южнославянской письменности / Н. И. Толстой // История и структура славянских литературных языков. — Москва, 1988. — С. 144.

⁴ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке / И. В. Ягич. — Berlin, 1896. — С. 423.

⁵ Запольская Н. Н. Церковнославянский язык в христианской эпистеме / Н. Н. Запольская // Лингвистическая эпистемоло-

гия: история и современность / XV Международной сессии славистов. (Минск, РБ, 20-27 августа 2013 г.) / Отв. ред. Н. Н. Запольская. — Минск: ПринтЛайн, 2013. — С. 10.

⁶ Цит. по: Там же.

⁷ Бибихин В. В. Язык философии / В. В. Бибихин. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. — С. 264.

⁸ Аверинцев С. С. Похвальное слово / С. С. Аверинцев // Юность. — 1969. — №1. — С. 98-102.